

**ПАМЯТНИКИ
ПИСЬМЕННОСТИ
ВОСТОКА**

LXXIX

**МЕБДЕ-И КАНУН-И ЙЕНИЧЕРИ
ОДЖАГЫ ТАРИХИ
(ИСТОРИЯ ПРОИСХОЖДЕНИЯ ЗАКОНОВ
ЯНЫЧАРСКОГО КОРПУСА)**

**ИЗДАНИЕ ТЕКСТА,
ПЕРЕВОД С ТУРЕЦКОГО, ВВЕДЕНИЕ,
КОММЕНТАРИЙ И УКАЗАТЕЛИ
И. Е. ПЕТРОСЯН**

**ИЗДАТЕЛЬСТВО « НАУКА »
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ**

МОСКВА • 1987

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ
«ПАМЯТНИКИ ПИСЬМЕННОСТИ ВОСТОКА»

О. Ф. Акимущин, А. Н. Болдырев, Г. М. Бонгард-Левин (зам. председателя), И. С. Брагинский, Г. Ф. Гирс (зам. председателя), В. Н. Горегляд, П. А. Грязневич, Д. В. Деоник, И. М. Дьяконов, Г. А. Зограф, Дж. В. Каграманов, У. И. Каримов, А. Н. Кононов (председатель), Е. И. Кычанов, Л. Н. Меньшиков, Е. П. Метревели, Э. Н. Темкин (отв. секретарь), С. С. Цельникер, К. Н. Юзбашян

Ответственный редактор

А. Н. Кононов

Публикация памятника турецкой истории — анонимного сочинения 1606 г., посвященного истории, организации и установлениям янычарского корпуса.

М 0506000000-097
013(02)-87 — КБ-9-75-87

МЕБДЕ-И КАНУН-И ИЕНИЧЕРИ
ОДЖАГЫ ТАРИХИ

Утверждено к печати Институтом востоковедения
Академии наук СССР

Редактор Л. С. Ефимова. Младший редактор Н. С. Хогинская. Художественный редактор Э. Л. Эрман. Технический редактор М. В. Погопкина. Корректор Р. Ш. Чемерис

ИБ № 15432

Сдано в набор 13.08.86. Подписано к печати 21.04.87. Формат 60×90¹/₁₆. Бумага типографская № 1. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. п. л. 37,5. Усл. кр.-отт. 39,5. Уч.-изд. л. 41,12. Тираж 3000 экз. Изд. № 5985. Зак. 879. Цена 5 р. 40 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука»
Главная редакция восточной литературы
103031, Москва К-31, ул. Жданова, 12/1

3-я типография издательства «Наука»
107143, Москва В-143, Открытое шоссе, 28

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1987.

Полный перечень серийных изданий памятников, выпущенных в свет с 1959 по 1985 г., содержится в аннотированном каталоге «Памятники литературы народов Востока. Памятники письменности Востока. Каталог серийных изданий. 1959—1985». М., 1986.

После публикации каталога вышли в свет:

- XXXII. 4. Сыма Цянь. *Исторические записки («Ши цзи»)*. Т. IV. Пер. с китайского, предисл. и коммент. Р. В. Вяткина. М., 1986.
- LXI. Мела Махмуд Байазиди. *Таварих-и кадим-и Курдистан (Древняя история Курдистана)*. Т. 1. Перевод «Шараф-наме» Шараф-хана Бидлиси с персидского языка на курдский язык (курманджи). Изд. текста, предисл., указатели, оглавление К. К. Курдоева и Ж. С. Мусаэлян. М., 1986.
- LXXVI. Бай юй цзин (Сутра ста притч). Пер. с китайского и коммент. И. С. Гуревич. Вступит. статья Л. Н. Меньшикова. М., 1986.
- LXXXII. Шихуа о том, как Трипитака Великой Тан добыл священные книги (Да Тан Сянь-цзан цюй цзин шихуа). Пер. с китайского, исслед. и примеч. Л. К. Павловской. М., 1987.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	7
ИСТОРИЯ ПРОИСХОЖДЕНИЯ ЗАКОНОВ ЯНЫЧАРСКОГО КОРПУСА	43
О происхождении [янычарского] корпуса	44
Глава первая	47
Глава вторая	76
Глава третья	112
Глава четвертая	120
[Глава пятая]	126
Глава шестая	148
Глава седьмая	155
Глава восьмая	161
Глава девятая	187
[Глава десятая]	194
КОММЕНТАРИИ	199
ПРИЛОЖЕНИЯ	255
Список цитированной литературы	256
Указатель имен и династий	264
Указатель географических и топографических названий	267
Указатель этнических названий	270
Указатель терминов и непереведенных слов	271
Указатель названий сочинений	280
SUMMARY	281
ТЕКСТ	285
УКАЗАТЕЛИ	202

ВВЕДЕНИЕ

История становления и развития такого могущественного государственного образования эпохи средневековья, как Османская империя, теснейшим образом связана с особенностями ее военной организации. В течение длительного периода эта организация являлась одним из важных факторов успешной завоевательной политики турок-османов. Однако история ее создания и функционирования, степень влияния ее на процессы социально-экономической и политической эволюции османского государства в отечественной исторической литературе почти не изучены.

Большое внимание историков Турции в нашей стране и за рубежом традиционно привлекают вопросы, связанные с особенностями османского феодализма, этапов его развития, и, в частности, вопросы, связанные с организацией ленного землевладения и землепользования, ее эволюцией.

Меньше внимания привлекает военный аспект организации турецких феодалов-*сипахи*, и почти совсем не изучена история регулярных воинских подразделений, входивших в состав *капыкулу*, в частности янычарского корпуса. В этом ряду янычарский корпус являлся специфическим военным и социально-политическим институтом османского государства, институтом, который на протяжении XIV—XIX вв. представлял собой одну из важнейших особенностей государственной структуры средневековой Османской империи.

Несмотря на наличие ряда работ зарубежных авторов, посвященных организации и функциям янычарского корпуса¹, из которых наиболее полным и ценным следует считать фундаментальный труд турецкого историка И. Х. Узунчаршылы, можно говорить о том, что всестороннего исследования о месте и роли янычарского корпуса в процессе эволюции феодального османского государства как в отечественной, так и в зарубежной исторической науке не существует. Что

¹ См., например: *Uzunçarşılı. Kapukulu ocakları; Georgieva. Organisation et fonctions; Djévad. Etat militaire*. Частично описанию янычарского корпуса посвящен также труд Марсильи, который почерпнул свои сведения из турецкого трактата XVII в., составленного Хезарфеном (*Марсильи. Военное состояние*).

касается труда И. Х. Узунчаршылы, содержащего в себе громадный фактический материал, почерпнутый им из османских средневековых исторических сочинений и документов турецких архивов, то следует отметить, что Узунчаршылы изучает этот государственный институт вне его развития, вне его связей с другими элементами османской общественной организации. По этой причине, как нам представляется, исследование процесса становления и развития янычарского корпуса и главным образом его влияния на целый ряд социально-экономических и политических явлений в жизни средневекового османского общества продолжает оставаться одной из важных задач отечественной туркологии. На первом этапе этой работы необходимо ввести в научный оборот османские источники, содержащие наиболее полные сведения об истории и функционировании янычарского корпуса.

Настоящая работа ставит своей целью перевод и обзорное исследование одного из ценных источников по данной теме — трактата *Мебде-и канун-и йеничери оджагы тарихи*. Речь идет о турецком сочинении начала XVII в., представленном рукописью из собрания ИВ АН СССР (шифр — А 249). Сочинение известно по описанию тюркских рукописей Института народов Азии (ныне ИВ АН СССР) под названием *Мебде-и канун-и йеничери оджагы*, не совсем точно переданном в заголовке описания его составителями²; оно посвящено истории и организации янычарского корпуса. Название сочинения не является авторским. Оно приведено на титульном листе рукописи, по всей видимости ее владельцем, в следующем виде: *Мебде-и канун-и йеничери оджагы тарихи* («История происхождения законов янычарского корпуса»). На том же титульном листе приведено и другое название, кем-то (возможно, одним из владельцев рукописи, хорошо ознакомившимся с ее содержанием) зачеркнутое: *Йеничери оджагынын султан Ахмед-хан хазретлеринин кануннамеси* («Законоуложение Его Величества султана Ахмед-хана относительно янычарского корпуса»). Здесь же имеются краткие записи различного содержания, свидетельствующие о том, что рукопись побывала в руках нескольких владельцев. Среди этих записей есть и такая: Petrovsky, 1861. Она указывает на то, что рукопись принадлежала видному русскому государственному деятелю Л. А. Перовскому, известному собирателю восточных древностей. В фонд Азиатского музея, составившего основу нынешней рукописной коллекции ИВ АН СССР, она поступила в 1862 г.

Рукопись содержит 149 листов. Размер листа — 18,5×11,5 см. Размер текста — 14,5×7,5 см. Каждая страница со-

² Дмитриева, Мугинов, Муратов. Описание, вып. 1, с. 176.

держит 17 строк. Почерк — насх. Рукопись переписана в Турции, но точное место переписки переписчиком не приводится. Имя переписчика — Ибрахим ибн Исмаил. Дата переписки не указана, однако о ней можно сделать некоторые заключения по типу бумаги.

Бумага европейская, с водяными знаками, один из которых часто повторяется — . Этот знак позволяет дать предположительную датировку переписки рукописи — около 1705 г.³ Такую датировку, по-видимому, подтверждает и другой водяной знак с литерами , относящийся к 1706 г.⁴

Восточная пагинация имеется лишь для 30 первых листов рукописи. Вместе с тем есть и более поздняя европейская пагинация для всей рукописи. Текст переписан черными чернилами, обозначение глав дано красными чернилами. Текст сочинения занимает 148 листов. На 149-м листе, который оставался свободным после переписки текста сочинения, приведена благожелательная молитва. Сочинение состоит из введения и девяти глав, содержание которых подробно раскрывается сразу же за введением. Главы имеют в тексте номерное обозначение.

Ленинградская рукопись сочинения не является единственной. Сочинение об организации янычарского корпуса представлено еще семью известными нам рукописями. Пять из них находятся в Турции⁵, две другие, оказавшиеся нам

³ Такой водяной знак встречается на бумаге голландского производства (Амстердам) в документе, датированном 1705 г. (Клепиков. Филлиграфия, с. 91).

⁴ Там же, с. 94. В недавно изданной работе болгарских ученых, специально посвященной бумажным водяным знакам на турецких докумен-

тах, хранящихся в Болгарии, знак зафиксирован лишь в одном случае. Он стоит на документе, датированном 1639 г. и составленном в Стамбуле (Велков, Андреев. Три луны, с. 20). Знак встречается

значительно чаще, начиная с документа, датированного 1678 г. (там же, № 293, с. 27). Он прослеживается на бумаге, которой пользовались в турецких канцеляриях вплоть до конца XVIII в.

⁵ Две рукописи хранятся в библиотеке музея Топкапы в Стамбуле (*Karataş*. Topkapı Sarayı Müzesi yazmalar kataloğu, cilt 1, № 1839, 1840, с. 597); две другие рукописи также находятся в Стамбуле, при мечетях Сулеймание и Османлие (*Istanbul kitaplıkları kataloğu*, fas. 10, № 527, с. 813—814; *Hammer*, GOR, Bd. 9, с. 173), и одна рукопись — в составе личной библиотеки недавно умершего старейшего турецкого историка И. Х. Узунчаршылы, который пользовался ею в своей работе об организации янычарского корпуса (см.: *Uzunçarşılı*. Kapıkulu ocakları, с. 6, примеч. 1).

доступными,— в европейских рукописных собраниях. Речь идет о рукописи, хранящейся в библиотеке братиславского университета⁶, и рукописи, входящей в коллекцию бывшей герцогской библиотеки в Готе⁷. Названия всех этих рукописей не совпадают, так как авторского названия сочинения не существует. На титульном листе братиславской рукописи написано: *Кануннаме* («Законоуложение»), на первом листе текста готской рукописи — *Кануннаме-и оджаг-ы йеничерийан ве гильман-и аджемийан* («Законоуложение относительно корпуса янычар и аджеми огланов»).

Из двух последних рукописей, микрофильмами которых мы имели возможность пользоваться в своей работе, братиславская представляет собой сильно сокращенную редакцию данного сочинения, восходящую к неизвестному нам протографу. Рукопись состоит из 79 листов (21,5×16 см), на странице 17 строк (размер текста 16,5×9,5 см), почерк насх, текст переписан черной тушью, обозначения глав даны красной тушью. Условное название сочинения, под которым оно числится в каталоге: *Йеничери кануннамеси* («Законоуложение о янычарах»). В колофоне братиславской рукописи сочинение обозначено как *Рисале мин каванин-и тарик-и коджеян-и Хаджи Бекташ Вели* («Трактат о правилах поведения [последователей] Хаджи Бекташа Вели»). Рукопись переписана в 1725 г. (в последних числах месяца шабана 1137 г. х.) главным муэззином мечети Мурад-паша-и Атик, т. е. в Стамбуле. Название этой мечети упоминается в сочинении Хафыза Хусейна *Хадикат ал-джевами* («Сад мечетей»), посвященном описанию мечетей и окрестностей Стамбула⁸.

Гораздо более ценна для характеристики истории текста готская рукопись⁹. В указанном каталоге Перча она значится под названием *Кануннаме-и оджаг-ы йеничерийан ве гильман-и аджемийан*. В рукописи 120 листов, из которых только 25, не считая первого, имеют восточную пагинацию (вспомним неполную восточную пагинацию ленинградской рукописи). Текст на странице состоит из 17 строк. Рукопись переписана насхом. В конце ее имеется дата переписки — 1174 г. х., что соответствует 1760-61 г. Имя переписчика не названо. Однако на титульном листе рукописи имеется приписка на французском языке за подписью Вигье, по-видимо-

⁶ Ее описание см.: Arabské, turecké u perzské rukopisy, № 439, с. 318—319.

⁷ Ее описание см.: *Pertsch*. Die türkischen Handschriften, № 134, с. 112.

⁸ *Hammer*, GOR, Bd. 9, с. 88.

⁹ Отметим здесь, что в задачу настоящего перевода и исследования не входил текстологический анализ с привлечением всех известных рукописей данного сочинения.

му владельца рукописи. Вигье, папский префект в Стамбуле, живший там во второй половине XVIII в., известен специалистам как автор грамматики турецкого языка, изданной в Стамбуле в 1790 г.¹⁰ Приписка, сделанная Вигье, едва различима в имеющейся у нас фотокопии, однако она воспроизведена Перчем в описании рукописи. «Эта книга,— говорится в ней,— была переписана с подлинника (l'original), находящегося во дворце Великого Сеньора (т. е. султана.— И. П.) и представленного султану Ахмеду, отцу нынешнего государя. Труд по переписке взял на себя Мехмед-эфенди, сарыкчи-баши»¹¹. Указание на «нынешнего государя», сына султана Ахмеда, если учесть годы пребывания Вигье в Османской империи, свидетельствует о том, что запись была сделана либо в правление султана Мустафы III (1757—1774), либо в царствование Абдул Хамида I (1774—1789), так как оба этих султана являлись сыновьями Ахмеда III. Отметим, что знание Вигье истории переписки рукописи и имени переписчика позволяет думать, что заказчиком являлся сам Вигье, которому удалось каким-то образом узнать о существовании рассматриваемого нами сочинения в султанской дворцовой библиотеке. Известно, что уже в XVII и особенно в XVIII в. многие европейцы в поисках восточных рукописей пытались проникнуть в столичные книгохранилища Османской империи, и в частности в султанскую дворцовую библиотеку. Однако доступ туда был закрыт¹². Понятен поэтому тот путь, который был избран для приобретения вызвавшего интерес сочинения. Переписчиком рукописи, хранившейся в султанской дворцовой библиотеке, был избран *сарыкчи-баши*, слуга из числа придворных, в обязанности которого входило хранение султанских тюбанов и облачение в них султана. Во всяком случае, *сарыкчи-баши* являлся одним из приближенных к султанской особе лиц. Это обстоятельство важно в связи с тем, что очень немногие из штата придворных имели возможность проникнуть в дворцовую библиотеку и тем более организовать переписку одной из хранившихся там рукописей. Дело это не обошлось, вероятно, без солидного денежного вознаграждения в пользу *сарыкчи-баши*, что широко практиковалось и впоследствии. Известно, что, используя свои связи при султанском дворе, смог снять копию с каталога рукописей дворцовой библиотеки в Стамбуле итальянский аббат Тодерини в 80-х годах XVIII в.¹³

Готская рукопись переписана довольно небрежно и носит следы спешки. В почерке присутствует множество элементов

¹⁰ *Viguer*. *Eléments de la langue turque*.

¹¹ *Pertsch*. Die türkischen Handschriften, с. 112.

¹² *Рафиков*. Библиотеки Стамбула, с. 304.

¹³ Там же, с. 305.

скорописи — насх готской рукописи значительно отличается от насх ленинградской и братиславской рукописей. Не исключено, что сочинение из дворцовой библиотеки переписывалось тайно.

Возвращаясь к записи, сделанной Вигье на титульном листе рассматриваемой нами готской рукописи, отметим одно важное обстоятельство, а именно: Вигье утверждает, что рукопись переписана с оригинала, поднесенного Ахмеду III и хранящегося в султанской дворцовой библиотеке. Из предисловия к сочинению нам известно, что оно предназначалось для другого султана Ахмеда — Ахмеда I. Одно из двух: либо Вигье прочитавший предисловие к сочинению, принял Ахмеда I за Ахмеда III (ошибка весьма возможная, если учесть, что имя отцов-обоих султанов было одно и то же — Мехмед, но в первом случае это султан Мехмед III, а во втором — Мехмед IV), либо сочинение, составленное в 1606 г., как об этом можно судить по тексту сочинения, пролежало 100 лет так и не поднесенным султану Ахмеду I и было преподнесено уже султану Ахмеду III. Последнее также весьма вероятно, если учесть обстоятельства, при которых взойшел на престол Ахмед III (1703—1730), вновь приковавшие внимание к янычарскому корпусу.

18 июля 1703 г. четыре *орта* (подразделения) янычар отказались отправиться в военную экспедицию в Грузию до тех пор, пока им не будет выплачена задолженность в жалованье. Они выражали недовольство Мустафой II и пользовавшимся огромным влиянием при дворе шейхульисламом Фейзуллахом-эфенди. Восставшие янычары промаршировали по улицам Стамбула, где к ним присоединились толпы недовольных солдат, торговцев и ремесленников. Несмотря на отданное распоряжение выплатить бунтующим задержанное им жалованье, восставшие подошли к воротам султанского дворца, где их поддержали представители улемов и софты, недовольные Фейзуллахом. Султан и шейхульислам оставались в Эдирне, придавая мало значения восстанию, хотя в правительстве в Стамбуле уже находились люди, назначенные по требованию восставших. Когда же небольшая часть придворных войск двинулась из Эдирне в Стамбул для подавления бунта, она встретила с армией восставших, которая увеличивалась по мере продвижения ее в Эдирне за счет недовольных жителей городов. Солдаты, поддерживавшие султана, стали перебегать на сторону бунтовщиков, и Мустафа II оказался без всякой защиты. Он был свергнут, а на его место 22 августа 1703 г. заступил его брат, Ахмед III¹⁴.

Эти события вновь продемонстрировали ту опасность, ко-

¹⁴ Shaw. The History of the Ottoman Empire. Vol. 1, с. 227—228.

торая до того постоянно грозила султанам со стороны придворного войска янычар, на протяжении всего XVII в. беспрепятственно низлагавшего и возводившего на престол султанов. Возможно, именно данный момент был сочтен потомками автора подходящим для поднесения султану сочинения, в котором давались рецепты для исправления дел в янычарском корпусе.

По утверждению Вигье, готская рукопись была переписана с оригинала, поднесенного султану. Если это так, то можно утверждать, что ленинградская рукопись, текстуально совпадающая с готской, также является копией неизвестной нам рукописи, точно воспроизводящей авторский текст. Добавим, что имеется существенный признак, свидетельствующий о том, что ленинградская и готская рукописи восходят к одному и тому же протографу. Речь идет о наличии одних и тех же лексических ошибок в тексте, повторенных переписчиками и той и другой рукописи. Так, в одном месте текста как ленинградской, так и готской рукописи вместо слова *одабаши* стоит *ода*¹⁵, вместо требующегося в другом случае по смыслу *бёлюкбашилары* стоит *бёлюклери*¹⁶, вместо термина *ятыртма* употреблено слово *татыртма*¹⁷, в одном случае пропущено то же самое сказуемое в предложении — *дедилер*¹⁸, и в той и в другой рукописи пропущено обозначение главы пятой¹⁹. Вместе с тем ленинградская и готская рукописи имеют незначительные разночтения, которые зафиксированы в некоторых случаях в примечаниях к тексту перевода. При переводе сочинения, выполненного нами по ленинградской рукописи, сверка трех имевшихся у нас рукописей производилась лишь в тех случаях, когда смысловой перевод какой-либо фразы или перевод термина оставался неясным. Как правило, текст готской рукописи давал ключ к пониманию, ибо в ленинградской рукописи почти всегда обнаруживалась в этих случаях ошибка переписчика, которая легко выявлялась при сличении текстов.

Однако такие небольшие «уточнения» требовались очень редко. В целом текст ленинградской рукописи нигде не испорчен и имеет для перевода некоторые преимущества. Например, в готской рукописи в одном месте восьмой главы текст обрывается, в результате чего значительный фрагмент его оказывается опущенным, а смысловая логика текста нарушенной. Этот опущенный в готской рукописи фрагмент текста есть в сокращенном виде в братиславской рукописи.

¹⁵ *Мабде-и канун*, л. 406.

¹⁶ Там же, л. 426.

¹⁷ Там же, л. 37а.

¹⁸ Там же, л. 346.

¹⁹ Там же, л. 836.

Конец текста в готской рукописи также испорчен: отсутствует большой кусок концовки основного текста сочинения. В ленинградской рукописи в качестве дополнения к основному тексту дан фрагмент, посвященный эпизоду из персидского похода султана Сулеймана — большому совету с участием янычарской верхушки. Фрагмент этот в ленинградской рукописи представлен полностью, в большей своей части имеется он и в готской, в братиславской же рукописи этот фрагмент отсутствует.

Братиславская рукопись имеет концовку, совпадающую с концовкой основного текста ленинградской рукописи, с той лишь разницей, что переписчик ленинградской рукописи обозначил сочинение как *Кануннаме-и йеничерийан*, а переписчик братиславской — как *Рисале мин каванин-и тарик-и коджеган-и Хаджи Бекташ Вели*. Что касается эпизода из истории похода Сулеймана, приведенного в качестве дополнения к основному тексту сочинения, то конец его в ленинградской и готской рукописях совпадает.

Вместе с тем в качестве приложения к тексту сочинения в готской рукописи дан дополнительный раздел, отсутствующий в ленинградской рукописи. Обозначения раздела нет. Речь в нем идет о «янычарских агах». В этом дополнении к основному тексту описаны обязанности высших чинов янычарского корпуса и приведен рассказ об обстоятельствах казни Селимом I *секбанбаши* по имени Бальйемез Осман-ага. Возможно, этот раздел добавлен переписчиком, который заполнил оставшиеся чистыми листы рукописи, как это сделано в ленинградской рукописи, где в самом конце записана благопожелательная молитва.

Таким образом, самый общий обзор трех рукописей данного сочинения (к сожалению, мы лишены возможности дать характеристику рукописей, хранящихся в рукописных собраниях Турции) позволяет утверждать следующее: ленинградская рукопись является, по-видимому, самой ранней из только что рассматривавшихся. Текстуально она почти полностью совпадает с готской, переписанной, по словам Вигье, с рукописи, преподнесенной султану Ахмеду III (или Ахмеду I), а значит, текст ее близок к авторскому тексту. Более подробная история текста сочинения и подробный текстологический анализ в задачу настоящего исследования не входили²⁰.

Из введения к сочинению известно, что автор его находился в рядах янычарского корпуса и принимал участие во всех походах, начиная с похода против Халькульвада, т. е.

²⁰ Как нам стало известно, критическое издание текста данного сочинения подготавливается в ВНР научным сотрудником Академии наук ВНР Пал Фодором.

с 1574 г. В этом году турки-османы предприняли морскую экспедицию против Туниса с целью захвата ключевой морской крепости Халькульвад, отнятой у них ранее испанцами²¹. Он сообщает, что предки его из поколения в поколение служили в янычарском корпусе со времени царствования султана Мехмеда II (1451—1481), и рассказывает далее, что побудило его взяться за перо. Однажды, сообщает он, во время обычных молитв во благо падишаха ему привиделся старец, который призывал его написать *рисале* о законах и установлениях янычарского корпуса и поднести свое сочинение султану, дабы законы эти «были приняты к исполнению и неукоснительно соблюдались»²². Из введения становится также ясно, какому из султанов предназначалось сочинение — Ахмеду I (1603—1617). Кроме того, в дальнейшем автор упоминает о мудром правлении великого везира Дервиш-паши как о современном ему. Дервиш-паша занимал этот пост лишь однажды, в 1606 г., и в том же году был казнен²³. На основании этого сообщения автора можно датировать сочинение 1606 г. Автор сообщает также о том, что он 21 год занимался янычарскими дефтерами, и упоминает о своей службе в качестве кятиба при Ферхад-аге, который был отправлен на закупку овец для янычарского корпуса²⁴. Все это свидетельствует о том, что автор сочинения занимался писмоводительским делом в янычарском корпусе. Он пишет, что был назначен *коруджи*, т. е. отстранен от своих обязанностей. *Коруджи* не состояли на действительной службе по старости или болезни, являлись, по существу, лицами на пенсии, но продолжали числиться в списках янычарского корпуса и имели право жить в янычарских казармах. В их обязанности входила охрана янычарских казарм, когда янычары отправлялись в поход. Автор сочинения сетует, что его, «совершенно здорового человека», против его воли назначили *коруджи* с прежним жалованьем, «ибо,— пишет он,— я ни в ком не имею поддержки». «Кто имеет за спиной поддержку, [тот] в радости и при должности — неважно, честен он или нечестен, сын своего *очага* или нет, знает основы закона или не знает. Были бы у него деньги да покровитель!» В то же время автор характеризует себя как человека, сведущего в делах. «Мы же, когда занимались дефтерами, знали о них все»²⁵. Более никаких сведений о себе автор сочинения не приводит. В качестве подтверждения того,

²¹ *Uzunçarşılı. Osmanlı tarihi. Cilt 3, bölüm 1, c. 29—30.*

²² *Мебде-и канун*, л. 2а.

²³ Там же, л. 746; см. также: *Uzunçarşılı. Osmanlı tarihi. Cilt 3, kısım 2, c. 362—363.*

²⁴ *Мебде-и канун*, л. 127а, 70а.

²⁵ Там же, л. 127а.

что сам он является истинным «сыном *очага*», т. е. потомственным членом янычарского корпуса, можно считать его сообщение о своем деде Сакка Махмуде, который в царствование султана Сулеймана (1520—1566) в течение 14 лет занимал в корпусе высокий пост стамбульского аги²⁶, т. е. аги, в подчинении и управлении которого находились все *аджеми огланы* Стамбула — мальчики, проходившие обязательную подготовительную службу перед зачислением их в янычарский корпус. Относительно Сакка Махмуда автор пишет, что он, занимая эту должность, отличался исключительной честностью²⁷, качеством, которого, как явствует из содержания всего сочинения, по большей части были лишены высшие чины янычарского корпуса.

Итак, сочинение написано человеком, который долго служил в рядах янычар и, занимаясь янычарскими дефтерами, имеющими отношение ко всем сторонам деятельности янычарского корпуса, был прекрасно знаком с порядками и жизнью янычарского войска. Те немногие замечания автора о себе, которые имеются в тексте сочинения, вырисовывают фигуру «честного служаки», вынужденного за неимением денег и связей — этого неперемennого условия преуспевания в рядах янычар, по замечанию самого автора, — расстаться со своей службой кятиба, а потому глубоко оскорбленного. Таким образом, выявляются личные мотивы, которыми руководствовался автор, берясь за составление трактата об организации и установлениях янычарского корпуса. Однако цель написания сочинения не может быть объяснена только личными мотивами — они, возможно, послужили лишь толчком, побудившим автора взяться за перо.

Время, когда писался трактат, известно в истории Османской империи как период заметных изменений, которые начинаются со второй половины XVI в. происходили в социальной структуре османского государства. Эти изменения к концу XVI в. еще не привели к созданию качественно новых государственных институтов. Однако можно говорить о том, что все сколько-нибудь значительные институты османского государства, сложившиеся в период его формирования и упрочения, т. е. с XIV и до середины XVI в., под влиянием тех или иных условий развития подверглись заметной трансформации. Это касается в первую очередь системы землевладения, военной организации и отношений между традиционно существовавшими общественными слоями и группами.

Прежде всего изменениям подверглась система служебных земельных пожалований, которые предоставлялись султаном

²⁶ Там же, л. 21б.

²⁷ Там же, л. 113а.

при условии несения военной или иной службы. Из них тимары и зеаметы являлись основным источником доходов для турецких феодалов, составлявших основную военную силу османского войска. По закону они не подлежали продаже, наследовались при условии выполнения наследником военных обязательств и могли быть отняты у их владельцев в случае нарушения ими их военно-служебных обязанностей. Такая система могла функционировать лишь при эффективном контроле со стороны центральных властей, выдававших владельцам тимаров и зеаметов соответствующий документ на право владения — *берат*, который являлся основным во всех спорных случаях.

Между тем во второй половине XVI в. эффективность такого контроля значительно упала. Споры и тяжбы относительно владения тимарами во второй половине XVI в. стали столь частыми и острыми, что, по сообщению осведомленного венецианского посла в Стамбуле, великий везир Мехмед Соколлу, например, был убит одним из претендентов на спорный тимар, в котором ему было отказано²⁸. Кочубей Гёмюрджинский, написавший свой известный трактат в 1631 г., указывает в нем, что если раньше «не было ни одного спорного большого и малого поместья» (т. е. тимара и зеамета. — *И. П.*)²⁹, то теперь таковые имеются. Тимариоты, лишившиеся по тем или иным причинам своих земельных владений, были вынуждены искать себе «пропитание», поступая на службу (*хизмет*) либо к крупным феодалам, либо в свиту высших сановников³⁰. Такая острота в вопросе владения тимарами могла объясняться главным образом значительным превышением числа претендентов над числом самих земельных пожалований, которых становилось все меньше. С конца XVI в. кадастры османских архивов фиксируют уменьшение числа тимаров и соответствующее увеличение хассов султана³¹, не говоря о том, что за счет фонда земель тимаров и зеаметов в это время, по-видимому, заметно увеличился фонд земельных пожалований, не связанных с несением военной службы (*арпалыки*, *башмаклыки*).

Увеличение хассов султана в значительной степени связано с растущей нуждой правительства в новых источниках доходов. Военный характер Османской империи, ее неизменная политика экспансии на протяжении XIV—XVI вв. вызывали истощение материальных ресурсов османского государства. С конца XV в. Османская империя чрезвычайно редко находилась в состоянии мира. Это делало невозможной кон-

²⁸ Ранке. Государи и народы, с. 54.

²⁹ Смирнов. Кучибей, с. 90.

³⁰ Хезарфен. Тельхис, л. 58а.

³¹ Lewis. The Decline, с. 121, примеч. 3.

центрацию сколько-нибудь значительных сумм доходов казны³². Вторая половина XVI в. отмечена растущим дефицитом государственного бюджета. Так, если в 1564 г. этот дефицит составил 66 юков акче (6,6 млн. акче), то в 1591/92 г. он достиг 700 юков акче (70 млн. акче) и в 1596/97 г. — 6 тыс. юков акче (600 млн. акче)³³. И это несмотря на то, что доходы государства, с конца правления султана Сулеймана (1564 г.) составлявшие 1830 юков акче, возросли до 3 тыс. юков акче³⁴. Пытаясь выйти из этого положения, правительство вновь и вновь обращалось к перечеканке акче более низкой пробы, прибегало к конфискациям имущества попавших в опалу и казненных лиц, отправляло на переплавку дворцовую утварь из драгоценных металлов³⁵.

Возраставшая потребность султанов в деньгах для казны делала чрезвычайно распространенной практику конфискаций имущества высших должностных лиц государства. Смертные казни и конфискации имущества стали столь частыми явлениями в жизни османского государства, что заставили османского историка второй половины XVII в. призывать к соблюдению законов шариата: «Если нет приговора согласно шариату, пусть не казнят живую душу»³⁶. Конфискации имущества приводили к невозможности концентрации богатств (или чрезвычайно затрудняли ее) и передачи их последующим поколениям. Это создавало стимул к расточительству и безудержному потреблению. Именно вторая половина XVI в. отмечена в Османской империи возросшей тягой к роскоши. Дома вельмож теперь значительно богаче обставляются, высшие сановники ведут широкий образ жизни. На средства богатых лиц строятся общественные сооружения — мечети, бани, мосты, плотины, караван-сарай с бесплатным столом и кормом для лошадей. Жены вельмож, как правило женщины султанского двора, носят златотканые одежды, шелка и меха. Появляется итальянская кухня.

Это, в свою очередь, заставляло османских сановников добывать средства всеми законными и незаконными путями³⁷. Взяточничество приобрело огромные размеры. Коррупция проникла во все слои османского общества. Она, как и другие социальные пороки, получившие распространение в государстве, неоднократно отмечалась османскими писателями конца XVI — первой половины XVII в. Так, Кятиб Челеби в своем трактате, посвященном описанию состояния дел в

³² Ergil Class Relations, с. 81.

³³ Гверитинова. Восстание Кара Языджи, с. 38.

³⁴ Там же.

³⁵ Быков. Монеты Турции, с. 16.

³⁶ Хезарфен. Тельхис, л. 44а.

³⁷ Ранке. Государь и народы, с. 50—51, 62.

государстве, сурово осуждает взятки, прибегая к авторитету религии. Говоря о несовместимости взяток с «разумом и шариатом», Кятиб Челеби замечает, что взятки запрещены и порицаемы даже среди «мерзких» гяурских правителей³⁸.

В поисках новых доходов правительство присоединяло земли из фонда тимариотов и займов к султанским хассам, создавая *мукатаа*, значительная часть доходов с которых шла на нужды армии, состоящей на жалованье, в том числе янычар. К концу XVI в. доля различных налогов, собиравшихся в пользу государства, возросла до 75—80% и имела тенденцию к увеличению³⁹. В сферу служебного землевладения все чаще проникали представители дворцовой верхушки. Под названием *арпалыков* и *баймаклыков* султанским придворным чинам предоставлялись земельные пожалования, которые изымались из земельного фонда тимаров и зеаметов, уменьшая доходы феодальной конницы *сипахи*⁴⁰.

В поисках больших доходов османское правительство усилило налоговый пресс, от которого страдало крестьянское население страны. Уже во времена правления султана Сулеймана Великолепного (1520—1566) смещенный с должности великий везир Лютфи-паша в своем трактате *Асаф-наме* («Книга Асафа») предупреждал об опасности обезлюдения сельских местностей в результате чрезмерного налогообложения и призывал к умеренному обложению крестьян налогами. В сочинении, написанном Лютфи-пашой в 1541 г., уже указывалось на те явления жизни государства, которые в полной мере проявились в конце XVI — начале XVII в.⁴¹ В. Д. Хюгерот на основе пространных дефтеров анатолийского региона показывает, что плотность населения деревенских поселений, очень высокая в XVI в., резко уменьшилась в результате их обезлюдения и запустения к 1600 г.⁴²

С 1520 по 1580 г. численность населения Анатолии возросла более чем наполовину, Румелии — на 70%, а численность жителей двенадцати крупнейших городов (без учета Стамбула, Алеппо и Дамаска) — на 90%. Со второй половины XVI в. наблюдается процесс парцеллизации крестьянских наделов, усиления притока населения в города, увеличения числа деклассированных элементов, в основном за счет бывших крестьян⁴³. Часть этих деклассированных лиц добывала себе средства пропитания с помощью разбоя и грабежа, который для азиатской части страны имел катастрофические

³⁸ Кятиб Челеби. Дестур аль-амель, л. 59а.

³⁹ Грозданова. Българската селска община, с. 27.

⁴⁰ См. об этом: Смирнов, Кучибей, с. 82—84.

⁴¹ Lewis. The Decline, с. 123, примеч. 1.

⁴² Hüttheroth. The Pattern of Rural Settlement, с. 182—183.

⁴³ Мейер. Революция цен, с. 101—102.

последствия. Для отражения их нападений и обеспечения общественной безопасности представители провинциальной администрации, бейлербеи и санджакбеи учреждали свои собственные боевые дружины, комплектовавшиеся в значительной мере за счет тех же деклассированных элементов, а для содержания их увеличивали число незаконно взимаемых поборов с крестьян — так называемых *секбан акчеси*, *сельмийе*, *озенги баха* и др. Эти дружины, передвигаясь по области, фактически находились на содержании у крестьян. «Защитники» сами оказывались в роли грабителей.

Разбой и насилие в анатолийских землях получили такой размах, что крестьяне часто были вынуждены заниматься укреплением своих деревень. К концу XVI в. число таких сельских укреплений — *паланка* — значительно возросло. Однако местные представители администрации видели в этих укреплениях опасность усиления самих крестьян и отдавали приказ срывать их или держали их под своим постоянным контролем, разрешая находиться в *паланка* не более чем четырем-пяти вооруженным лицам. Для «защиты от разбойников» анатолийскому населению было позволено носить при себе оружие, которое оно всячески стремилось у себя сохранить⁴⁴.

В тот же период беспорядков в анатолийских землях здесь формируются отряды, предводительствуемые смещенными со своих постов должностными лицами, которые выступали выразителями интересов всех недовольных действиями правительства. В числе этих лиц оказывались самые разные социальные элементы: учащиеся провинциальных медресе, крестьяне, тимариоты, деклассированные элементы⁴⁵. Волнения и смуты, ареной которых стала Анатолия, достигли в конце XVI в. такого накала, что помешали султану Ахмеду I в бытность его наследным принцем выехать в провинцию для управления санджаком, что неизменно практиковалось до того времени при османском дворе⁴⁶.

Массовые волнения и беспорядки, получившие название движения *джеяли*, явились одним из серьезных факторов, способствовавших наряду с налоговым гнетом процессу обезлюдения анатолийских деревень. В свою очередь, этот процесс не мог не затронуть важнейших жизненных интересов массы мелких турецких феодалов, тимариотов, получавших столь незначительный доход, что подчас им оказывалось не под силу исполнение своих воинских обязанностей. Мелкие *сипахи*, тимариоты, имея весьма скромные доходы со своих

⁴⁴ *Faroqhi*. Rural Society, I, с. 191.

⁴⁵ *Akdağ* Genel çizgileriyle XVII yüzyıl tarihi, с. 203—205, см. об этом подробно *он же*. Celâli isyânları; *Тверитинова*. Восстание Кара Языджи.

⁴⁶ *Хаб-наме*, с. 16.

земель, не обладали той степенью власти, какую имели, к примеру, владельцы крупных хассов, и не могли обеспечить крестьянам, проживавшим на территории их тимаров, безопасность. Крестьяне не могли справиться с бременем увеличивающихся налогов и бежали в более безопасные хассы⁴⁷. Лишавшиеся крестьян тимариоты впадали в еще большую бедность и сами искали поддержки у более крупных и сильных феодалов, поступая к ним на службу⁴⁸.

Расходы по экипировке и снаряжению в поход самих тимариотов и их *воиннов-джебелю* чаще всего уже не окупались за счет военной добычи во время войн, которые вела Османская империя в последней четверти XVI в. Это вело к тому, что многие *сипахи*, тимариоты и займы всеми возможными способами старались освободиться от участия в походах, рискуя быть лишенными своих земельных пожалований. Процесс этот зашел так далеко, что к середине XVII в. можно было легко откупиться от военной службы, сохраняя при этом свой лен. Так, Кочубей Гёмюрджинский в своем втором трактате сообщает, что командующий флотом передает в султанскую казну 50 юков акче (5 млн. акче), которые взимаются с запмов и тимариотов, не принимающих участия в походе. С займа, имевшего доход 40 тыс. акче и не шедшего в поход, взималось 40 тыс. акче⁴⁹. Массовым явлением в войске к концу XVI в. стало дезертирство. В 1596 г. в Анатолии разразилось восстание *фирари* (дезертиров), *сипахи*, собравших вокруг себя представителей самых разных слоев, недовольных и протестовавших против лишения их земельных пожалований за дезертирство с театра военных действий во время австрийской кампании⁵⁰.

Итак, все указанные явления расшатывали основы тимариотской системы, которая в последние десятилетия XVI в. начинает утрачивать свои типичные черты. Тимары и зеаметы во многом теряют свой служебный, временный характер, строгую подчиненность и подконтрольность центральной власти. В аграрной системе Османской империи с начала XVII в. появляются земельные держания нового типа — *чифтлики*.

Социальные события и перемены, особенно сильно сотрясавшие Османскую империю в конце XVI — начале XVII в., происходили на фоне разразившегося во второй половине XVI в. кризиса финансового положения страны, активно воздействовавшего на эти перемены. Рост правительственных расходов и постоянные дефициты вынуждали османское правительство прибегать к порче серебряной монеты, акче. Ре-

⁴⁷ *Blašković* Macarca bir ahdnâmesi, с. 38

⁴⁸ *Хезарфен*. Тельлис, л. 58а

⁴⁹ *Тверитинова* Второй трактат, с. 249.

⁵⁰ *Mulafçieva* Sur l'état du système des timars, с. 17

шением центральных властей, принятым между 1584 и 1586 гг., вместо акче, содержавшего 0,682 г серебра, было принято к обращению акче с содержанием серебра в 0,384 г. Тогда же было установлено официальное соотношение акче и османского алтуна, весившего 3,517 г: 1 алтун = 120 акче. Таким образом, за золотой вместо прежних 60 акче, содержавших 40,92 г серебра, по новому официальному курсу нужно было уплачивать 120 акче, содержавших 46,08 г серебра, т. е. если раньше 1 г золота приравнялся к 11,52 г серебра, то после реформы — к 13,1 г серебра⁵¹.

Порче акче сопутствовал и резкий скачок цен, который разные историки объясняют по-разному. О. Л. Баркан, а вслед за ним советский турколог М. С. Мейер связывают это явление с «революцией цен» в Европе, с появлением в Европе дешевого американского серебра, которое в больших количествах в виде иностранных монет хлынуло в Османскую империю в 80-х годах XVI в.⁵² С такой точкой зрения не согласен Х. Гербер, объясняющий скачок цен в Османской империи в конце XVI в. порчей монеты, ее постоянным дефицитом⁵³.

Наблюдавшийся в конце XVI в. в Османской империи резкий рост цен на все товары и особенно на продукты питания резко ухудшил положение тех социальных групп, которые получали жалование от казны, и в первую очередь — придворного войска янычар и *сипахи*. К тому же правительство, не имея достаточного количества денег в казне, часто не выдавало вовремя жалование, что приводило к частым восстаниям как янычар, так и *сипахи*⁵⁴. Финансовый кризис в Османской империи в конце XVI в. имел далеко идущие последствия не только для янычарского корпуса, но и для судеб османского государства в целом.

Рост коррупции в рядах янычар, стремительный расцвет взяточничества и неумная жажда обогащения в янычарской верхушке, получившие питательную почву, вели к постепенной трансформации этого важного военного и социально-политического института феодального османского государства. Можно сказать, что все те процессы, развитие которых наблюдалось в рассматриваемый нами период в османском обществе, нашли свое отражение в жизни янычарского корпуса как части этого общества.

Именно в этот период крупных экономических и социальных потрясений конца XVI — начала XVII в. османское пра-

⁵¹ *Barkan*. Fiyat harekelleri, с. 572—573.

⁵² Подробно об этом см.: *Barkan*. The Price Revolution; *Мейер*. Революция цен.

⁵³ См.: *Gerber*. The Monetary System.

⁵⁴ Подробно об этом см.: *Sahillioglu*. Siviş Year.

вительство было вынуждено увеличивать число своих войск на жалование, для того чтобы иметь возможность эффективно вести военные действия против европейской пехоты, хорошо вооруженной огнестрельным оружием и хорошо обученной⁵⁵. Войска на жалование должны были также отчасти компенсировать уменьшение численности феодальной конницы *сипахи*.

В условиях изменившегося положения дел в области ведения военных действий, а именно с возрастанием роли ручного огнестрельного оружия и артиллерии, объективно возникла необходимость расширения контингента обученной и хорошо вооруженной профессиональной армии, состоящей на жалование⁵⁶. Кроме того, в конце XVI — начале XVII в., в период персидских войн, правительство целенаправленно увеличивало число своих войск, записывая в ряды янычар дополнительные людские контингенты⁵⁷. Это резко повышало расходы государственной казны и вело к росту дефицита бюджета. В свою очередь, изменения в военной сфере, увеличивавшие потребность казны в деньгах, оказывали существенное влияние на аграрную систему, способствовали постепенному вытеснению тимарной организации системой ильтизамов⁵⁸, относительному уменьшению значимости класса феодалов-*сипахи*.

Социальные перемены второй половины XVI в., которые наблюдались в Османской империи на протяжении жизни одного поколения, были замечены уже османскими авторами XVI в. Так, истоки многих новых для жизни общества явлений, проявившихся к концу XVI столетия, были отмечены Лютфи-пашой (ум. в 1563 г.) в его *Асаф-наме*, Селяники — в его «Истории», которую он писал с 1563 по 1599 г., а также Мустафой Али — в *Кюнх аль-ахбар* («Суть известий»), сочинении, которое он довел до царствования султана Мехмеда III (1595—1603). Перу того же Мустафы Али принадлежит трактат *Нухат ас-селатин* («Наставление султанам»), где также описываются многие из новых явлений государственной жизни. По-своему отражены они и в сатирических произведениях Нефи и Вейси, поэтов конца XVI — начала XVII в. Однако наибольший расцвет особого направления османской литературы, отразившей процесс изменения социальной структуры османского государства, а также повышенный интерес османских авторов к вопросу о судьбах Османской империи, приходится на XVII столетие.

В серии османских политических трактатов XVII в. (сочинения Айни Али, Кочубея Гёмюрджинского, Кятиба Челеби) сочинению анонимного автора о янычарском корпусе

⁵⁵ *Inalcik*. The Nature of Traditional Society, с. 45.

⁵⁶ *Lewis*. The Decline, с. 120—121.

⁵⁷ *Wright*. The Book of Counsel, с. 39.

⁵⁸ *Ergil*. Class Relations, с. 78.

دوغو یازیلی آکیتلری

سریسی

۷۹

مبداء قانون

یکدیچری اوچاغی تاریخی

متنی باصینه حاضرلیان و ترجمه ایدن،
اوک سوزی یازان، نوتلر و اندکسلری حاضرلیان
ا. ی. پتروسیان

« ناوقه » باصم اوی

دوغو ادبیاتنک باش رداکسیونو

موسقوا ۱۹۸۷